

На правах рукописи

ТРОФИМОВА Валерия Александровна

**ФЕНОМЕН КОММУНИКАТИВНОГО ДАВЛЕНИЯ В
ЮРИСЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ**

10.02.19 – теория языка

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Майкоп – 2021

Работа выполнена в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Южный федеральный университет»

Научный руководитель: **Меликян Вадим Юрьевич**,
доктор филологических наук, профессор /

Официальные оппоненты: **Богинская Ольга Александровна**, доктор филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков №2, ФГБОУ ВО «Иркутский национальный исследовательский технический университет», профессор

Саркисянц Владимир Рафаэлевич, доктор филологических наук, доцент, Ростовский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», кафедра языкознания и иностранных языков, заведующий кафедрой

Ведущая организация ФГБОУ ВО «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина» (г. Москва)

Защита состоится «29» октября 2021 г. в 10.00 часов на заседании диссертационного совета по филологическим наукам Д 212.001.09 при ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет» по адресу: 385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Первомайская, 208, конференц-зал.

С текстом диссертации можно ознакомиться в научной библиотеке им. Д.А. Ашхамафа ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет» по адресу: 385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Пионерская, 260, и на сайте университета [http:// www.adygnet.ru](http://www.adygnet.ru)

Автореферат разослан «___» _____ 2021 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук

Е.А. Богданова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Современный этап развития гуманитарной науки ознаменован ее тесной взаимосвязью с процессами, происходящими в общественной жизни, что обусловило ее междисциплинарный характер. В частности, юридическая лингвистика (юрислингвистика) занимается исследованием различных проблем на стыке языка и права. Появление данного раздела языкознания обусловлено тем, что наравне со своей важнейшей функцией передачи информации язык способен успешно выполнять функцию воздействия на человеческое сознание. При этом результаты этого воздействия могут быть как положительными, так и негативными для адресата. Во втором случае язык выступает средством или даже оружием в руках адресанта. Неправомерное использование деструктивного потенциала языка требует контроля со стороны общества. Юрислингвистика призвана установить границу между кооперационным и конфронтационным видами общения, разработать эффективный инструментарий противодействия различного вида деструктивным коммуникативным практикам.

Изучение способов нарушения правил коммуникации непосредственно связано с исследованием видов речевого воздействия. В настоящем диссертационном исследовании устанавливается лингвистический статус феномена коммуникативного давления, выявляются особенности его функционирования, проводится дифференциация различных видов речевого воздействия, описываются различные языковые средства, реализующие их.

Актуальность настоящего исследования обусловлена теоретическими и практическими потребностями изучения моделей речевого воздействия в рамках конфликтного дискурса на уровне межличностной коммуникации. Большое количество исследований видов речевого воздействия, вызванное различиями в применяемых подходах и предлагаемых наборах критериев их дифференциации, привело к необходимости систематизировать имеющиеся наработки в данной области знаний. Актуальность исследования также связана с нарастающей агрессивностью человеческого общения. «Свобода слова, свобода выражения мнений (в том числе критических) среди прочих своих общественных достоинств породила и негативные тенденции, связанные со злоупотреблениями такими свободами» [Голев, 2002: 111]. Агрессивная направленность речевого поведения обуславливает необходимость практического изучения деструктивных аспектов коммуникации, способствующих порождению конфликтов, в частности коммуникативного давления, а также выявления критериев его идентификации, выявления средств репрезентации и способов нейтрализации. Исследование коммуникативного давления также позволит усовершенствовать методику проведения лингвистической экспертизы.

Степень разработанности проблемы. Феномен коммуникативного давления относительно недавно попал в круг рассматриваемых исследователями проблем и еще не получил сколько-нибудь удовлетворительного освещения в научной литературе. В частности, в рамках изучения проблемы коммуникативной культуры К.М. Шилихина [1999, 2000 а), 2000 б)] отметила деструктивный характер давления, вызванный конфликтом интересов коммуникантов, указала на

обязательное наличие эмоциональной составляющей данного речевого феномена, выделила речевые акты его репрезентации, предприняла попытку его классификации по способу проявления в речи. Кроме того, в исследовании намечены пути дальнейшего изучения данной проблемы, в частности: выявление условий функционирования давления, определение диапазона средств реализации давления и их сопоставление в различных культурах. Однако в исследовании не установлен лингвистический статус феномена коммуникативного давления, неопределенным остается его место в системе смежных явлений, не устанавливаются категориальные характеристики давления, такие как объект, способ и тип воздействия, механизм воздействия, форма интенции, степень интенсивности и другие.

В.Ю. Андреева [2009] рассматривает коммуникативное давление наряду с такими смежными явлениями, как коммуникативный саботаж, конфликт и речевая агрессия, отмечая его некооперативный характер. Исследователь предпринимает попытку выявления способов реализации давления, среди которых она указывает как аргументацию, так и инвективные средства, интенсифицирующие речевое воздействие и преследующие цель нарушения границ личной сферы собеседника. Однако в исследовании не уточняется коммуникативный статус давления и не выявляются его категориальные признаки.

Таким образом, в научной литературе представлены лишь фрагментарные исследования коммуникативного давления, которые не носят систематического характера.

Объект исследования – феномен коммуникативного давления в конфликтном дискурсе.

Предмет исследования – лингвистический статус коммуникативного давления, а также его коммуникативные характеристики как конфронтационного вида речевого воздействия.

Материалом исследования послужили речевые продукты медиадискурса, такие как стенограммы видеозаписей выпусков аналитических программ, газетные статьи, интервью; политического дискурса, включающие стенограммы выступлений политических деятелей; судебного дискурса, представленные стенограммами защитительных речей адвокатов; рекламного дискурса, а также фрагменты художественных произведений, репрезентирующие диалогизированную речь, и продукты речевой деятельности, ставшие объектом лингвистической экспертизы по различным категориям уголовных дел. Общее количество примеров составляет более 2500 фрагментов текста. Широкий охват речевого материала позволяет установить интегральные признаки, свойственные феномену коммуникативного давления независимо от типа дискурса.

Цель настоящей работы заключается в исследовании феномена коммуникативного давления в юрислингвистическом аспекте и выявлении речевых средств его реализации в рамках конфликтного дискурса.

Цель исследования предполагает решение следующих **задач**:

1) установить методологические основания для определения лингвистического статуса коммуникативного давления;

- 2) дать определение феномену коммуникативного давления;
- 3) установить оптимальный набор критериев классификации видов речевого воздействия и уточнить на данной основе соответствующую типологию видов речевого воздействия;
- 4) отграничить коммуникативное давление от смежных явлений;
- 5) описать источники конфликтности коммуникативного давления и их дискурсивные проявления.

Методы исследования. Для решения поставленных задач использовались методы дефиниционного анализа, анализа дифференциальных признаков, метод прагматической интерпретации, описательный и сопоставительный методы, методы классификации и систематизации, а также методы когнитивного, логико-риторического, функционального и коммуникативного анализа.

Теоретико-методологической основой исследования послужили труды российских и зарубежных ученых в области юрислингвистики (К.И. Бринева, Н.Д. Голева, В.И. Жельвиса, В.Ю. Меликяна, Л.М. Месропян, Б.Я. Шарифуллина), риторики и теории аргументации (Г.А. Брутяна, А.А. Ивина, Е.В. Ключева), неориторики (Х. Перельмана), прагматодialeктики (Ф. Еемерена, Р. Гроотендорста, Д. Уолтона), теории коммуникации и теории речевого воздействия (А.Н. Баранова, А.В. Голоднова, Г.П. Грайса, О.С. Иссерс, Г.А. Копниной, А.А. Леонтьева, Дж. Лича, И.А. Стернина, Е.И. Шейгал, Е.В. Шелестюк, Ю.А. Шерковина), лингвистической экологии (Я.А. Волковой, А.П. Сквородникова, В.И. Шаховского). Частнонаучную методологическую основу составляет комплекс современных идей из области лингвистики и смежных с лингвистикой научных дисциплин (Р.Г. Бабаевой, О.Н. Быковой, Т.А. Воронцовой, Е.Л. Доценко, О.В. Куликовой, Э.Г. Куликовой, И.В. Култышевой, А.И. Михайловой, Х. Муслеха, И.В. Смирновой, М.А. Фирсовой, К.М. Шилихиной, Ю.В. Щербининой).

На защиту выносятся следующие положения:

1. Для определения статуса коммуникативного давления целесообразно разграничивать языковую и риторическую нормы. Такой подход приводит к необходимости различать нериторический и риторический виды воздействия, а риторическое воздействие дифференцировать на кооперационное (конструктивное) и конфронтационное (деструктивное).

2. Коммуникативное давление представляет собой самостоятельный вид речевого воздействия, относится к риторическому конфронтационному (деструктивному) его виду, характеризуется эксплицитной интенциональностью, а также чрезмерной интенсивностью, которая выражается в превышении допустимой меры воздействия. Давление задействует оба канала передачи и обработки информации – логический и эмоциональный, поскольку механизм воздействия основывается на критическом анализе информации и проявлении деструктивных эмоций.

3. В качестве критериев классификации видов речевого воздействия целесообразно использовать следующие: характер интенциональности воздействия (эксплицитный / имплицитный), канал реализации воздействия

(логический / эмоциональный), механизм воздействия, наличие / отсутствие свободы выбора у адресата.

Такой подход позволяет выделить в системе типологии речевого воздействия следующие его виды: нериторический (кооперационный, конструктивный) – аргументацию и приказ, риторический (кооперационный, конструктивный) – убеждение, риторический (конфронтационный, деструктивный) – давление, обман и манипуляцию.

4. Коммуникативное давление отличается от аргументации и приказа наличием пафоса в структуре модели речевого воздействия; от убеждения – конфронтационным (деструктивным) характером; от обмана – эксплицитным характером интенциональности. Давление и манипуляция опираются на разные механизмы воздействия: давление – на критический анализ информации, манипуляция – на блокирование критического мышления.

5. Деструктивный характер коммуникативного давления детерминирован нарушением правил организации одного либо нескольких компонентов риторической модели воздействия, что приводит к порождению конфликтогенов. Первичные конфликтогены могут реализовываться в следующих компонентах данной модели и их сочетаниях: 1) логос; 2) этос; 3) пафос; 4) а) логос и этос; б) логос и пафос; в) этос и пафос; г) логос, этос и пафос.

Научная новизна состоит в том, что впервые был проведен комплексный анализ феномена коммуникативного давления в массмедийном, политическом, судебном, рекламном, официально-деловом и бытийном дискурсах, установлен его лингвистический статус и выявлены его интегральные и дифференциальные признаки, проведена дифференциация видов речевого воздействия и уточнена соответствующая типология. В работе обосновывается необходимость разграничения языкового и риторического типов нормы, а также на этом основании проводится разграничение трех самостоятельных видов речевого воздействия: аргументации, убеждения и давления, определяются их интегральные и дифференциальные характеристики, устанавливаются их речевые модели и описывается дискурсивная специфика их функционирования. Кроме того, указываются источники конфликтогенности коммуникативного давления, а также устанавливается степень конфликтогенности каждого из них. Выявление деструктивного потенциала различных риторических приемов, реализующих коммуникативное давление, позволяет впервые рассматривать риторику через призму юрислингвистики как науку, в том числе об экспрессивных способах конфликтного функционирования языка.

Теоретическая значимость. Результаты исследования способствуют дальнейшему развитию теории коммуникации, теории речевого воздействия, теории аргументации и юридической лингвистики, в частности уточняют и расширяют классификацию видов речевого воздействия, систематизируют их интегральные и дифференциальные признаки, а также позволяют углубить знания об их природе и механизмах функционирования. Кроме того, в работе предпринимается попытка научного обоснования самостоятельного лингвистического статуса феномена коммуникативного давления и аргументации как особого функционально детерминированного вида речевого воздействия.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения его результатов при проведении лингвистической экспертизы текста и более фундаментальном и корректном обосновании полученных в ходе нее выводов. Основные положения могут быть использованы при разработке лекционных и практических курсов по риторике, прагмалингвистике, стилистике, социолингвистике, юрислингвистике, лингвокриминалистике и другим дисциплинам. Исследование может представлять интерес, с одной стороны, для специалистов в области речевой коммуникации в качестве практических рекомендаций по оптимизации воздействия на реципиента, с другой стороны, для выявления стратегий противодействия деструктивным коммуникативным практикам.

Апробация работы проводилась на заседаниях кафедры теории языка и русского языка Южного федерального университета (Ростов-на-Дону). По теме диссертации опубликовано 8 статей, в том числе 3 статьи в изданиях из перечня ВАК РФ. Основные выводы исследования также обсуждались на IX-ой Всероссийской научно-практической конференции «Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия» (Ростов-на-Дону, 2019), X-ой Всероссийской научно-практической конференции «Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия» (Ростов-на-Дону, 2020) и на 6-ой международной научной междисциплинарной конференции «Функциональные аспекты по вопросам межкультурной коммуникации, переводу и интерпретации» (Москва, 2019), по итогам которых были опубликованы 3 научных статьи. Общий объём публикаций составил 4,5 п.л., в том числе вклад автора – 4,25 п.л.

Объем и структура работы. Диссертация включает в себя введение, две главы, заключение, список использованной литературы и список материалов.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность изучения феномена коммуникативного давления, изложены объект и предмет исследования, его цель и задачи, методы исследования, сформулирована научная новизна, представлена теоретическая и практическая значимость работы, сформулированы положения, выносимые на защиту, даны сведения об апробации работы.

В **первой главе** «Методология исследования феномена коммуникативного давления» рассматривается понятие речевого воздействия, устанавливается оптимальный набор критериев выявления видов речевого воздействия, уточняется их классификация. Характеризуется основополагающий компонент деструктивного общения – речевая агрессия, выделяются средства ее вербализации. Разграничение двух типов нормы – языковой и риторической позволяет выделить нериторическую и риторическую модели речевого воздействия.

Теория речевого воздействия, объектом исследования которой выступают «процессы регулирования деятельности человека или группы людей при помощи речи, а также общая прагматическая установка на оптимизацию речевого воздействия» [Иссерс, 2009: 22], интегрирует такие науки, как коммуникативистика, социо- и психолингвистика, психология, риторика, стилистика и культура речи, конфликтология, культурология, лингвистическая

прагматика, традиционная лингвистика. Центральным понятием данной теории является многоаспектное понятие речевого воздействия, направленное на деформирование структуры когнитивной картины мира адресата, изменение его поведения и эмоционального настроения с помощью лингвистических и экстралингвистических средств.

Лингвисты выделяют такие виды речевого воздействия, как убеждение, манипуляция и приказ. Убеждение представляет собой вид речевого воздействия, характеризующийся эксплицитной интенциональностью и реализующийся посредством критического анализа информации. Предоставляя свободу выбора адресату, «убеждение обязательно имеет две стороны: показ истинности тезиса и создание эмоционального отношения к нему» [Анисимова, 2004: 64], так что убеждение реализуется посредством двух каналов передачи и обработки информации – логического и эмоционального.

Убеждение противопоставляется манипуляции по характеру интенциональности и механизму речевого воздействия. В основе манипуляции «лежат такие психологические и психолингвистические механизмы, которые вынуждают адресата некритично воспринимать речевое сообщение, способствуют возникновению в его сознании определенных иллюзий и заблуждений, провоцируют его на совершение выгодных для манипулятора поступков» [Быкова, 1999: 99]. Иными словами, манипуляция реализуется в обход когнитивной сферы сознания адресата и направлена на блокирование его критического мышления. Ее интенциональность носит имплицитный характер, заключающийся в стремлении добиться желаемого результата в случае конфликта интересов без каких-либо уступок. При манипуляции внимание адресата перенаправляется таким образом, что достигается лишь частичное, неполное понимание.

Следует заметить, что манипуляцию нельзя отождествлять с риторически организованной речью, характерной для эмоционального убеждения [Лобас, 2011; Навасартян, 2017; Сиротинина, 2007], в противном случае пришлось бы признать риторику искусством манипуляции, что противоречит ее основным требованиям, предъявляемым к речевому поведению адресанта: честности, скромности, доброжелательности и предусмотрительности [Волков, 2009: 177].

Рассмотрение приказа в системе видов речевого воздействия обусловлено его направленностью на побуждение адресата к выполнению определенных действий. Данный вид воздействия отличается ясностью, конкретностью и логической прозрачностью. Приказ, как и убеждение, характеризуется эксплицитной интенциональностью. Однако механизм реализации приказа основан не на критическом осмыслении информации, а на оправданном принуждении, при котором адресат оказывается в зависимом положении от адресанта и, соответственно, лишается свободы выбора действий.

В качестве самостоятельного вида речевого воздействия ряд исследователей также выделяет обман [Беляева, 2008; Лобас, 2011]. Обман характеризуется имплицитной интенциональностью, поскольку реципиент не может распознать факт его реализации в процессе коммуникации. Проводя границу между обманом и манипуляцией, исследователи противопоставляют два вида истины:

семантическую (онтологическую) и прагматическую (гносеологическую) [Корнилова, 2003; Лобас, 2011; Месропян, 2014]. При обмане происходит отклонение от семантической истины, связанной с предоставлением фактов реальной действительности. При манипуляции искажается прагматическая истина, которая «утверждает соответствие между сказанным и понятием» [Беляева, 2008: 23].

Опираясь на предложенную обобщенную классификацию видов речевого воздействия и критерии их разграничения, предлагаем рассматривать следующие критерии в качестве интегрально-дифференциальных признаков убеждения, манипуляции, приказа и обмана (таблица 1):

- характер интенциональности воздействия (эксплицитный / имплицитный);
- канал реализации воздействия (логический / эмоциональный);
- механизм воздействия (критический анализ информации / блокирование критического мышления);
- свобода выбора действий (наличие / отсутствие).

Таблица 1. Интегрально-дифференциальные признаки

	Критерий оценки	Признак	Убеждение	Манипуляция	Приказ	Обман
1.	Характер интенциональности	эксплицитный	+		+	
		имплицитный		+		+
2.	Канал реализации воздействия	логический	+	+	+	+
		эмоциональный	+	+	-	+/-
3.	Механизм воздействия	критический анализ информации	+			+
		блокирование критического мышления		+	+	
4.	Свобода выбора действий	наличие	+			+
		отсутствие		+	+	

Одной из форм речевой коммуникации выступает деструктивное общение, которое «представляет собой тип эмоционального общения, направленного на сознательное и преднамеренное причинение собеседнику морального и/или физического вреда, характеризуемого негативной реакцией со стороны адресата и чувством удовлетворения от страданий жертвы и/или сознанием собственной правоты со стороны адресанта» [Волкова, 2014: 72].

В основе деструктивного общения лежит эмоциональный стимул негативного характера, который вводит адресата в состояние психоэмоционального дискомфорта и разрушительно воздействует на его сознание. Роль такого стимула играет речевая агрессия, которая вербализует негативные эмоции и детерминирует деструктивную манеру речевого поведения адресанта.

В современной лингвистике речевая агрессия активно изучается в русле экологии языка и представляет собой одну из наиболее важных проблем для относительно молодых отраслей языкознания – лингвоэкологии и юрислингвистики. Речевая агрессия направлена на преднамеренную деформацию когнитивного и аксиологического пространства адресата посредством речевого вторжения и выступает следствием нарушения языковых, этико-

коммуникативных и эстетических норм, что приводит к огрублению и вульгаризации литературного языка и снижению уровня культуры речи.

Целенаправленный и мотивированный характер речевой агрессии в процессе коммуникации указывает на целесообразность рассмотрения данного понятия в рамках коммуникативной лингвистики и теории речевого воздействия. Речевое воздействие, реализуемое посредством агрессии, опирается на установку адресанта на его безусловный авторитет и на безоговорочное принятие его мнения адресатом, поскольку речевая агрессия характеризуется «императивной, эмоционально напряженной, психологически сдвинутой позицией автора речи, настойчивым стремлением к достижению результата» [Купина, Енина, 1997: 26]. Такой вид речевого воздействия приобретает статус деструктивного (конфронтационного). Деструктивность воздействия манифестируется коммуникативной функцией речевой агрессии, заключающейся в дискредитации, дискриминации, унижении или оскорблении адресата или предмета речи.

Исследователи [Седов, 2003; Щербинина, 2008] противопоставляют виды речевой агрессии по ряду признаков.

Дифференциация агрессии по характеру направленности иллокуции (направленность на адресата / предмет речи) обуславливает возможность ее функционирования как в межличностной, так и безличной коммуникации. В межличностной коммуникации деструктивность агрессии проявляется как захват коммуникативной инициативы и приводит к ущемлению коммуникативных прав адресата. В безличной коммуникации речевая агрессия проявляется в «навязывании адресату посредством деструктивных форм речевого поведения (немотивированность и категоричность оценки) негативного отношения к референту высказывания» [Воронцова, 2006: 9].

В зависимости от степени осознанности говорящим и целенаправленности речевого воздействия исследователи [Жельвис, 1997; Седов, 2003; Щербинина, 2008] различают целенаправленный (неинструментальный) и нецеленаправленный (инструментальный) виды речевой агрессии. Неинструментальная агрессия преследует цель причинения коммуникативного вреда собеседнику. Инструментальная агрессия выступает средством эмоциональной разрядки говорящего, его реакцией на внешний раздражитель и не направлена на адресата. Деструктивное общение, будучи целенаправленным по определению, охватывает только ту часть агрессивных вербальных действий, которая носит преднамеренно деструктивный характер, иными словами, неинструментальный вид агрессии [Волкова, 2014: 62].

Разграничивая речевую агрессию и речевое насилие, следует отметить, что данные понятия представляют собой характеристики деструктивного речевого воздействия и способствуют трансформации сознания адресата. Однако речевая (неинструментальная) агрессия направлена на эмоциональную сферу сознания. Психоэмоциональный диссонанс как результат ее реализации является очевидным для объекта воздействия, что свидетельствует об эксплицитной форме проявления речевой агрессии [Петрова, Рацибурская, 2011; Щербинина, 2008]. Отличительным признаком речевого насилия является отсутствие свободы выбора, обусловленное искажением прагматической истины и блокированием

критического мышления [Меликян, 2015; Месропян, 2014; Шахматова, 2013]. Речевое насилие, направленное на когнитивную сферу сознания адресата, скрывает сам факт воздействия и становится характеристикой манипуляции, реализуясь в имплицитной форме.

Исследование средств речевой реализации агрессии как следствия нарушения норм речевого поведения обуславливает необходимость привлечения функционального подхода, поскольку речевая агрессия не всегда является маркированной, т.е. выраженной некодифицированными средствами языка. Это объясняется наличием у речевой агрессии дискурсивных характеристик и ее способностью выражаться как посредством формы, так и содержания, в связи с чем квалификация речевой агрессии в тексте требует учета коммуникативной ситуации.

В соответствии со способом выражения агрессивного смыслового содержания (по форме / содержанию) многие исследователи разделяют средства реализации речевой агрессии на лексические [Петрова, Рацбургская, 2011] и дискурсивные, или эксплицитные и имплицитные [Апресян, 2003; Аскерко, 2013; Булыгина, 2000; Жмуров, 2011; Месропян, 2014]. Лексические средства реализации речевой агрессии обладают высокой степенью эмоциональной модальности и являются «маркерами вербальной агрессии», т.е. средствами, обладающими формальными признаками агрессии. Дискурсивные средства агрессивной направленности представляют собой «специфическую форму использования языка для производства речи, посредством которой осуществляется изменение концепта (модели) окружающей (в том числе и коммуникативной) действительности, приводящее к дискомфортной трансформации системы личностных смыслов участников общения» [Костяев, 2010: 102].

Существование двух различных подходов, по-разному оценивающих взаимодействие логического и эмоционального каналов передачи и обработки информации в рамках речевого воздействия, приводит к противоположным взглядам на допустимую норму воздействия, а также на классификацию видов речевого воздействия.

Логико-ориентированный подход проводит границу между логическим и эмоциональным способами осмысления информации. Функциональный подход основывается на отрицании разделения логического и эмоционального каналов передачи и обработки информации в связи с тем, что при формировании высказывания обязательно учитывается эмоциональная составляющая восприятия реципиента.

Различие между двумя подходами приводит к противопоставлению двух типов речевой нормы – языковой и риторической. Языковая норма носит жесткий характер кодификации. Риторическая норма является результатом либерализации языковой нормы и допускает различные стилевые вариации под влиянием коммуникативной ситуации с целью оптимизации прагматического эффекта. Риторическая норма за речевой эталон принимает логико-эмоциональное воздействие. С точки зрения языковой нормы проявление эмоций является попыткой усиления экспрессивного потенциала, а значит,

превышает допустимый уровень речевого воздействия. В качестве компонентов модели речевого воздействия в исследовании рассматриваются основные компоненты риторики: логос, этос и пафос. Логос репрезентирует интеллектуальный ресурс аргументации, этос регламентирует норму коммуникативного поведения, пафос представляет собой эмоциональную технику воздействия. Разграничение языковой и риторической норм приводит к необходимости дифференцировать два типа модели речевого воздействия: риторическую и нериторическую, различающиеся наличием / отсутствием эмоционального компонента.

Во второй главе «Дискурсивные характеристики различных видов речевого воздействия» разграничиваются нериторические и риторические виды речевого воздействия, обосновывается выделение коммуникативного давления как самостоятельного риторического конфронтационного вида речевого воздействия, а также аргументации как самостоятельного нериторического вида речевого воздействия, уточняется статус убеждения как риторического кооперационного вида речевого воздействия.

При построении классификации видов речевого воздействия и описании характера их функционирования целесообразно опираться на понятие языковой нормы. При этом следует различать нериторический вид речевого воздействия и риторический.

Нериторический вид речевого воздействия задействует только один канал передачи и обработки информации – логический, направлен на когнитивную сферу сознания и реализуется посредством нериторической модели, включающей в себя два компонента – логос и этос. В системе видов речевого воздействия отсутствует вид, который соответствовал бы данной модели. В этой связи считаем целесообразным выделить аргументацию в качестве самостоятельного нериторического вида речевого воздействия, поскольку она представляет собой «приведение логических доводов для обоснования какого-либо положения» [Кондаков, 1975: 49]. При этом мы исходим из того, что любой текст обладает воздействующим потенциалом [Леонтьев, 1972], так как «выразиться нейтрально невозможно. Всякое использование языка предполагает воздействующий эффект» [Блакар, 1987: 92].

Уважаемый суд! Я считаю постановление незаконным. Парковка была оплачена, так как фактически деньги были списаны. К материалам дела были приложены доказательства оплаты. Однако номер транспортного средства был указан без кода региона. Административный кодекс предусматривает штраф именно за неоплату. Я также ссылаюсь на положительную судебную практику по аналогичным делам. Прошу учесть суд все обстоятельства и отменить постановление об административном правонарушении. [Информация по делу 12-2048/2018]

Логос реализуется трехкомпонентной моделью, состоящей из тезиса (*Я считаю постановление незаконным*), аргументов (*фактически деньги были списаны; Административный кодекс предусматривает штраф именно за неоплату; ссылаюсь на положительную судебную практику по аналогичным делам*) и вывода (*Прошу отменить постановление об административном*

правонарушении). Логичность высказывания обеспечивается смысловой взаимосвязью между его структурными компонентами. Этос как показатель уместности высказывания указывает на его кооперативный характер.

Риторические средства как способ намеренного повышения речевой аттрактивности не реализуются в приведенном фрагменте текста, что свидетельствует об отсутствии пафоса в данной речевой модели воздействия. Таким образом, речевая модель воздействия, реализованного в высказывании, включает в себя два компонента: логос и этос.

Риторические виды речевого воздействия отклоняются от языковой нормы, обращаясь к различным риторическим средствам. Источником экспрессивности риторической модели воздействия выступает пафос, поэтому она включает в себя три компонента: логос, этос и пафос. К риторическим видам речевого воздействия относится убеждение, поскольку «убеждение предьявляет как рациональные аргументы, так и эмоциональные» [Анисимова, 2000: 18] с целью реализации эстетико-экспрессивного потенциала речи.

Насчет ЕГЭ. ...это система не коррумпированная. Уже научились принимать ЕГЭ без коррупции. И я могу подтвердить. И вот почему. Потому что в том же московском университете в советское время был конкурс родителей, парткомов и денег. А сейчас могут прийти и учиться, действительно, талантливые ребята из любой точки нашей страны. У меня на факультете учатся ребята из 82 субъектов РФ, приехали отовсюду. Это колоссальное завоевание. [Передача «60 минут» выпуск от 29.09.2016]

Логос реализуется трехкомпонентной структурой: тезис (*это система не коррумпированная*), аргумент (*Потому что в том же московском университете ... А сейчас могут прийти и учиться, действительно, талантливые ребята из любой точки нашей страны*) и вывод (*Это колоссальное завоевание*). Аргументация построена на контрастивно-оценочной речевой тактике, которая основывается на противопоставлении фактов прошлого и настоящего (*был конкурс – могут прийти и учиться, учатся; в советское время – сейчас*). Аргумент носит объективный характер, так как подтверждается статистическими данными (*учатся ребята из 82 субъектов РФ*). Компоненты логоса связаны не только смысловой связью, но и с помощью аргументативных слов-маркеров (*вот почему, потому что*).

С точки зрения этоса высказывание носит кооперативный характер, который проявляется в позитивной манере изложения, положительной оценке предмета речи и доброжелательности по отношению к аудитории.

Реализация пафоса в речевой модели убеждения обусловлена наличием семантико-стилистических и синтаксических риторических средств в данном высказывании, выполняющих функцию эстетизации речи. В их число входят мягкая ирония (*Уже научились принимать ЕГЭ без коррупции*), парцелляция (*И я могу подтвердить. И вот почему. Потому что...*), которая позволяет расставить смысловые акценты; эпитет, выражающий положительную оценку (*колоссальное завоевание*).

Однако риторическое воздействие не является однородным с точки зрения соблюдения норм коммуникации. Реализуя экспрессивный потенциал речи,

риторическое воздействие может выполнять как конструктивную, так и деструктивную функцию и охватывать как кооперационные, так и конфронтационные виды речевого воздействия.

Необходимость разграничения риторического кооперационного и риторического конфронтационного видов речевого воздействия и отсутствие в классификации последнего обуславливает необходимость введения самостоятельного риторического конфронтационного вида речевого воздействия в существующую классификацию – коммуникативного давления.

Таким образом, коммуникативное давление представляет собой риторический конфронтационный (деструктивный) вид речевого воздействия, направленный на усиление логической аргументации деструктивно-экспрессивными речевыми ресурсами и характеризующийся эксплицитной интенциональностью. Объектом его воздействия выступают когнитивная и эмоциональная сферы сознания, а механизм реализации основывается на критическом анализе информации и проявлении деструктивных эмоций. Речевая модель коммуникативного давления состоит из трех компонентов модели риторического воздействия, включающей логос, этос и пафос.

Основное различие между убеждением и давлением заключается в характере экспрессивного компонента воздействия. Убеждение реализуется посредством эстетизации эмоций в речи, в то время как давление – посредством вульгаризации языка. Такое различие между двумя риторическими видами речевого воздействия обусловлено наличием конфликтогена в одном или нескольких компонентах речевой модели давления, который представляет собой «вербальный и невербальный знак, провоцирующий возникновение конфликта» [Макаренко, 2018: 9]. Конфликтоген реализуется средствами речевой агрессии и трансформирует кооперационный вид воздействия в конфронтационный.

Появление конфликтогена в речевой модели коммуникативного давления, порождающего деструктивную функцию воздействия, обусловлено нарушением правил (норм) организации компонентов модели речевого воздействия: логического (логоса), этико-коммуникативного (этоса) и правил эмоциональной техники выражения (пафоса). Логическая норма определяется законами формальной логики и правилами формирования структурной модели логоса, этико-коммуникативная норма регламентируется принципом кооперации Г. Грайса и принципом вежливости Дж. Лича. Нарушение правил эмоциональной техники выражения при риторическом конфронтационном виде воздействия в отличие от кооперационного проявляется в выборе понижающего пафоса.

Актуализация понижающего пафоса всегда имеет место быть в речевой модели давления, поскольку любое отступление от нормы служит реализации экспрессивности. Однако пафос рассматривается как источник деструктивности только в случае наличия в его структуре конфликтогена.

Благодаря логико-социальной направленности коммуникативной нормы, на которую опирается этос, данный компонент речевой модели давления способен оценивать кооперационный / конфронтационный характер речевого

процесса в целом и фиксировать нарушения в различных аспектах коммуникации. Первичные конфликтогены в логосе и/или пафосе маркируют высказывание как конфронтационное, таким образом, нарушая коммуникативную норму и, как следствие, порождая вторичные конфликтогены в этосе.

Специфика функционирования конфликтогенов обуславливает способы реализации речевой модели коммуникативного давления. Модель коммуникативного давления строится с опорой на один из вариантов реализации первичных конфликтогенов: 1) логос; 2) этос; 3) пафос; 4) а) логос и этос; б) логос и пафос; в) этос и пафос; г) логос, этос и пафос.

Рассмотрим пример реализации речевой модели коммуникативного давления с первичным конфликтогеном в логосе:

Доказательства присутствия агентов России на складе боеприпасов не было в отчетах контрразведки. Однако из этого не следует, что наши подозрения были несерьезными. Если участие России будет доказано, она должна за это заплатить. [Передача «5-я студия» выпуск от 26.04.2021]

Конфликтоген логоса порождается подменой суждений, выражающих разный коммуникативный смысл. В высказывании (*Доказательства присутствия ... не было в отчетах*) говорящий сообщает об отсутствии улик, свидетельствующих о причастности российских агентов к совершению преступления, а значит, указывает на их невиновность. Далее он подменяет суждение о невиновности суждением о виновности (*Однако из этого не следует, что наши подозрения были несерьезными*). Такая необоснованная подмена коммуникативного смысла порождает деструктивный коммуникативный импульс. Нарушение закона формальной логики свидетельствует о некачественной обработке информации, вследствие которой возникает двусмысленность. Таким образом, первичный конфликтоген логоса продуцирует вторичный конфликтоген этоса, обусловленный нарушением постулата манеры.

Особый случай представляет собой речевая модель коммуникативного давления, в которой первичные конфликтогены логоса порождают вторичные конфликтогены пафоса. Высказывания, репрезентирующие данную модель давления, содержат в себе иронию или сарказм. Ирония и сарказм рассматриваются как риторические приемы [Культура русской речи, 2003; Москвин, 2004; Ермакова, 2007], сущность которых заключается в искажении прагматической истины с целью реализации экспрессивного потенциала коммуникации, что в обязательном порядке обуславливает нарушение законов формальной логики. Таким образом, первичные конфликтогены логоса всегда предшествуют конфликтогенам пафоса, объективируемым иронией или сарказмом, так что конфликтогены пафоса приобретают статус вторичных. Помимо вторичных конфликтогенов пафоса, первичные конфликтогены логоса обуславливают нарушение постулатов кооперации, в частности, постулатов качества и манеры, продуцируя вторичные конфликтогены этоса.

При реализации сарказма, в отличие от иронии, «подразумеваемое» выступает рядом с выражаемым и иносказание нарочито ослабляется»

[Культура русской речи, 2003: 596], что приводит к экспликации ярко выраженного противоречия между высказыванием и объективной действительностью, которое выступает фактором дезавуации насмешки и высокой степени проявления агрессивных эмоций. Таким образом, порождение сарказма обусловлено реализацией абсурда, о котором говорят как о «крайнем алогизме речи» [Москвин, 2004: 22], затрагивающем смысло-жизненные ориентиры адресата [Карасик, 2002].

Ирония и сарказм направлены на объективацию той или иной степени критики, что нарушает максимы вежливости и обуславливает порождение третичных конфликтогенов этоса. Таким образом, механизм реализации коммуникативного давления при объективации иронии и сарказма носит сложный трехступенчатый характер. Обратимся к примерам:

Интересно, как бы Гордеев индивидуализировал ответственность, если бы действия собравшихся создали помехи в движении пешеходов и транспорта, затруднили доступ граждан к жилым помещениям или объектам социальной инфраструктуры либо повлекли причинение вреда здоровью человека или имуществу...? Ведь судья почти исчерпал возможности учестьотягчающие ответственность обстоятельства. Или в его глазах таковыми являются правозащитная деятельность и пожилой возраст? [Выступление в Останкинском суде Г.М. Резника. Прения перед вынесением приговора]

Порождение первичного конфликтогена логоса обусловлено нарушением закона тождества, который запрещает наделять одну и ту же лексическую единицу разными значениями в рамках одного контекста. В данном случае адресант называет *отягчающими* обстоятельства (*правозащитная деятельность и пожилой возраст*), которые на самом деле являются *смягчающими* с юридической точки зрения. Нарушение закона формальной логики приводит, во-первых, к нарушению постулата качества, актуализирующего вторичные конфликтогены этоса. Во-вторых, в ходе нарушения закона тождества порождается лексико-семантический прием энантиосемии, актуализирующей противоположное значение лексемы «*смягчающие*» – «*отягчающие*». По словам В.Ю. Меликяна, «энантиосемичные языковые единицы относятся к экспрессивной подсистеме языка, что обусловлено их способностью выражать в речи весь спектр эмоционально-волевых переживаний коммуникантов» [Melikyan, Melikyan, Vakulenko, 2016: 134]. Энантиосемия ложится в основу иронии. Ирония выступает способом демонстрации пренебрежительного отношения к предмету речи и обуславливает реализацию вторичного конфликтогена пафоса. Проявление пренебрежения в ходе коммуникативного процесса противоречит максимам одобрения и симпатии. Таким образом, вторичный конфликтоген пафоса порождает третичный конфликтоген этоса.

Сложность выявления первичного конфликтогена в этосе состоит в его обусловленности определенной коммуникативной ситуацией. Конфликтогены этоса, порождаемые нарушением постулатов кооперации и максим вежливости, реализуют конфронтационные тактики.

Обвинение, которое Вы предъявили Вадиму Поэгли, не конкретизировано. Непонятно, в чем же состоит неприличная форма употребляемых в статье выражений. Большая часть речи государственного обвинителя была посвящена тому, что Поэгли не имел права в отсутствие обвинительного судебного приговора называть министра обороны “вором”. Однако соответствие действительности сообщаемой информации имеет значение для состава клеветы. При оскорблении наказуема сама неприличная форма. Против такого обвинения невозможно защищаться. [Резник Г.М. Защитительная речь по делу Поэгли В.Ю.]

В данном высказывании первичный конфликтоген этоса направлен на дискредитацию оппонента, умаление его авторитета и порождение недоверия к нему и реализует тактику возмущения (*Против такого обвинения невозможно защищаться*). Данный конфликтоген обусловлен нарушением максимы согласия, поскольку углубляет противоречия между оппонентами, противопоставляя их точки зрения. Кроме того, выражение несогласия в форме возмущения обнаруживает негативную оценку поведения адресата со стороны адресанта, принимающую вид косвенной критики, и проявление недовольства, что рассматривается как нарушение максим одобрения и симпатии.

Агрессивно-экспрессивный тон высказывания интенсифицируется с помощью противопоставления, дважды используемого говорящим. Первый раз противопоставление маркируется союзом *однако*, во второй раз противопоставление носит смысловой характер (*...имеет значение для состава клеветы. При оскорблении наказуема сама неприличная форма*).

Особой формой нарушения этико-коммуникативной нормы является превышение числа коммуникативных ходов, в результате чего нарушается постулат количества. Как правило, такой коммуникативный прием помогает реализовать конфронтационные тактики, поэтому в большинстве случаев конфликтогены, порожденные нарушением постулата количества, сопровождаются конфликтогенами, обусловленными нарушением других кооперационных постулатов и максим. Например:

Кашин: И вот вы защищаете бесплатно, почему? Из соображений филантропии? Из соображений пиара? Или из-за какой-то третьей мотивации?

Добровинский: Ну, если вы хотите, чтобы я сейчас разъединился, то это может произойти. Но я хотел бы, чтобы вы взяли обратно свои слова. [Передача «Отдельная тема» выпуск от 21.06.2020]

Конфликтоген этоса в высказывании интервьюера порождается, во-первых, превышением допустимого количества коммуникативных ходов, выраженных последовательностью вопросов, адресованных собеседнику. Подобный коммуникативный прием не дает собеседнику сконцентрироваться, чтобы сформулировать свой ответ, и нарушает постулат количества. Во-вторых, вопросы интервьюера, заключающие в себе его собственные предположения, носят характер насмешки. Такой постановкой вопросов он дает понять собеседнику, что допускает любую возможную причину его предложения бесплатно защищать потерпевших, начиная от самых благородных (*Из*

соображений филантропии) до корыстных (*Из соображений пиара*), что приводит к нарушению максимы одобрения. Говорящий не только навязывает адресату готовые ответы, заставляя его мыслить в определенном формате, но и своими неуместными вопросами косвенно выражает пренебрежительное отношение к нему, нарушая максимы такта и симпатии, пренебрегая правилом демонстрировать собеседнику свою доброжелательность. Ответ адресата доказывает, что выбор такой линии речевого поведения может поставить коммуникацию под угрозу срыва.

Рассмотрим пример реализации первичного конфликтогена пафоса в речевой модели коммуникативного давления:

Старина Байден – материализация власти стоящей за ним глобалистской элиты и одновременно материализация ее катастрофического состояния. Посмотрите, как сонного Байдена, проваливавшего демократические праймериз на старте кампании – напомним, в феврале в Неваде, где он теперь побеждает, он не набрал ни одного голоса, – как его вытянула за уши мощнейшая партийная машина. И в конечном итоге запихнула в президентское кресло. [Передача «Однако» выпуск от 07.11.2020]

Конфликтоген пафоса обусловлен попыткой дискредитировать предмет речи, основанной на фамильярно-пренебрежительном отношении к нему адресанта. Фамильярно-пренебрежительное отношение к главе государства формируется посредством неуместного употребления лексической единицы фамильярного характера (*старина*) в его адрес. Внедрение подобного рода лексики, с одной стороны, дискредитирует предмет речи в глазах аудитории. С другой, такой прием позволяет адресанту «создать непринужденную обстановку дружеского общения» [Фирсова, 2018: 145] с аудиторией, расположить ее к себе, тем самым, добиться ее доверия. Негативный прагматический эффект интенсифицируется при смешении разговорного стиля и публицистического, маркерами которого выступают заимствованные термины политической направленности (*материализация, глобалистская элита, демократические праймериз*).

Более мощным средством дискредитации предмета речи в высказывании являются тропы агрессивного характера, репрезентирующие безучастие Байдена к собственной избирательной кампании и превращение его в марионетку политических сил. Эпитет (*сонный Байден*) с приобретенным в контексте пренебрежительно-уничижительным коннотативным оттенком лексического значения изображает потенциального президента как бездеятельную инфантильную личность, что вступает в противоречие с привычным представлением аудитории об образе эффективного президента.

Деструктивная коммуникативная интенция говорящего также объективируется с помощью агрессивных метафор (*вытянула за уши мощнейшая партийная машина; запихнула в президентское кресло*), которые позволяют адресанту косвенно передать свое негативное отношение, скрывая его за фактуальной информацией. Агрессивный характер данных метафор заключается в том, что они репрезентируют одушевленный предмет речи как неодушевленный, подлежащий манипуляции, подчеркивают его пассивное

состояние. В данном высказывании экспрессивность метафор основывается на разговорном характере лексико-фразеологических единиц (*вытянула за уши; запихнула*), интенсификации семантического признака эпитета *мощнейшая*, употребленного в превосходной степени, а также синекдохе, подменяющей общее понятие «*президентская должность*» частным «*президентское кресло*».

Такая насыщенность высказывания агрессивными-эмоциональными средствами формирует гиперэкспрессивную оценку с негативным коннотатом, оказывающую на адресата интенсифицированное воздействие. Деструктивная направленность речевых средств при изображении предмета речи нарушает условия кооперативной коммуникации, в частности, максимы одобрения и симпатии, и порождает вторичные конфликтогены этоса.

Реализация конфликтогенов пафоса может опираться на лексико-синтаксические средства, представленные фигурами нагромождения с целью эмоциональной эскалации:

Сто с лишним лет Америка не признавала геноцид моего народа. Не признавала очевидное. Не признавала правду. Не признавала одну из величайших трагедий в истории человечества. Потому что такова была геополитическая конъюнктура. Конъюнктура была важнее, чем элементарное достоинство и элементарная справедливость. [Симоньян М. Мой народ не радуется подачкам]

Конфликтоген пафоса порождается эмоциональной эскалацией, реализующейся перенасыщением речи неоправданным повтором (*не признавали, конъюнктура, элементарное достоинство, элементарная справедливость*) и восходящей градацией (*не признавали геноцид... Не признавали очевидное. Не признавали правду. Не признавали одну из величайших трагедий*), которая получает языковую объективацию с помощью повтора и однотипных парцеллированных синтаксических конструкций. Механизм градации основывается на повторяемости элементов с постепенным приращением смыслового содержания и направлен на усиление значимости каждой последующей фразы. Такой прием передачи информации расценивается как превышение меры допустимого воздействия и способ навязать определенную идею аудитории. Конфликтоген пафоса также реализуется формой превосходной степени прилагательного (*величайший*), которая интенсифицирует мрачную картину событий. Перенасыщение высказывания речевыми элементами нарушает постулат количества, а выражение субъективно-негативной оценки нарушает максимы одобрения и симпатии, в результате чего формируются вторичные конфликтогены этоса.

Речевая модель коммуникативного давления может реализовываться при одновременном проявлении конфликтогенов в различных ее компонентах: логосе, этосе и пафосе. Особая сила такого разнохарактерного способа воздействия на адресата заключается в том, что прагматический эффект каждого из конфликтогенов интенсифицируется функционированием других. Функционирование конфликтогенов в такой модели коммуникативного давления не является однородным. Разностатусный характер конфликтогенов позволяет нам выделить следующие варианты данного способа реализации

модели коммуникативного давления (номер индекса указывает на первичный, вторичный или третичный конфликтоген): 1) логос¹, этос¹, этос²; логос¹, этос¹, этос², этос³, пафос²; 2) логос¹, этос², пафос¹; логос¹, этос², этос³, пафос¹, пафос²; 3) этос¹, этос², пафос¹; 4) логос¹, этос¹, этос², пафос¹; логос¹, этос¹, этос², этос³, пафос¹, пафос².

В следующем фрагменте речи представлена речевая модель реализации коммуникативного давления с первичными конфликтогенами в логосе и пафосе. При этом степень речевого воздействия максимизируется вследствие объективации сарказма:

Считали все, кроме белого счетчика. Посчитали случайных прохожих на улице, мороженщицу, собачницу, щены, будки, стоящих рядом. Все посчитали! Трех бомжей, лежавших рядом. По всей Москве насчитали шесть тысяч. [Передача «Соловьев LIVE» выпуск от 22.04.2021]

В данном фрагменте речи говорящий неоднократно нарушает закон тождества, что приводит к реализации первичных конфликтогенов логоса. В первом случае нарушение закона тождества обусловлено неоправданной генерализацией, порождающей абсурд (*Считали все, кроме белого счетчика*). Доведение мысли до абсурда продуцирует сарказм, объективирующий вторичные конфликтогены пафоса. Во втором случае первичный конфликтоген логоса также порождается нарушением закона тождества, обуславливающим нарушение постулата качества и, соответственно, вторичные конфликтогены этоса, и реализует абсурдную гиперболу (*Посчитали случайных прохожих на улице, мороженщицу, собачницу, щены, будки, стоящих рядом. Все посчитали! Трех бомжей, лежавших рядом*). Абсурдная гипербола состоит в нелепом с точки зрения здравого смысла выборе внеречевых элементов, служащем гиперутрированному описанию событий и противоречащем сущности объективной действительности. Это особенно ярко отражается в речи при одновременном использовании речевых единиц, обозначающих как одушевленные, так и неодушевленные предметы. Перечисленные элементы не соответствуют смысловому контексту, поскольку ни один из них не может расцениваться как участник митинга, а значит, не подлежит подсчету. Абсурдная гипербола порождает сарказм, выражающий негативную оценку в особо насмешливой форме и объективирующий вторичные конфликтогены пафоса. Дискредитация предмета речи агрессивными средствами нарушает максимы одобрения и симпатии, что обуславливает реализацию третичных конфликтогенов этоса.

Первичный конфликтоген пафоса порождается эмоциональной эскалацией, которая репрезентируется амплификацией. Агрессивный характер амплификации манифестируется в превышении количества речевых элементов, необходимых для смыслового понимания высказывания, и их особой синтаксической организации, проявляющейся в использовании асидетона. Эмоциональная эскалация представляет собой деструктивный способ воздействия, так как направлена на внедрение аксиологических установок адресанта в сознание адресата посредством нарушения постулата количества, обуславливающего реализацию вторичных конфликтогенов этоса.

Рассмотрим модель реализации коммуникативного давления с первичными конфликтогенами в этосе и пафосе:

А я вам могу сказать, где могилы моих шестерых. Ваша бандэровская сволочь их живыми во время войны закопала. Поэтому пока вы будете говорить, что у вас герои бындэры и Шукевич, я вас буду до последнего момента, пока дышу, рвать. Потому что для меня Великая отечественная война не закончилась, пока нацисты ваши по вашей украинской земле топаят. [Передача «Вечер с Владимиром Соловьевым» выпуск от 26.02.2020]

Первичный конфликтоген этоса обусловлен репрезентацией угрозы в сторону адресата и его сторонников (*я вас буду до последнего момента, пока дышу, рвать*). Угроза является деструктивной коммуникативной тактикой, поскольку обладает высокой степенью «интенсивности регулирования деятельности или состояния собеседника» [Третьякова, 2009: 142]. Данная тактика «используется в разговоре как выражение намерения сделать нечто, способное повредить интересам другой стороны» [Там же]. Адресат как человек, поддерживающий в данной коммуникативной ситуации экстремистские течения, является причиной крайне негативного состояния говорящего, которое порождает у него желание принудить адресата кардинально изменить свою точку зрения в рамках жесткой альтернативы. Угроза воплощается в речи посредством тактики обещания негативных последствий и эксплицируется с помощью глагола 1 лица будущего времени (*буду рвать*). Реализация угрозы нарушает максимы согласия и симпатии.

Конфликтоген пафоса обусловлен выбором лексических единиц с негативной прагматической окраской. Инвективная номинация *бандэровская сволочь* основана на сочетании негативной аллюзии и просторечия. Адресуя ее предмету речи, говорящий отчасти обращается и к самому собеседнику посредством притяжательного местоимения *Ваша*, тем самым нарушая максимы одобрения и симпатии. Конфликтогены пафоса также объективируются лексическими единицами с приобретенным агрессивным статусом. Лексема *рвать* реализует в данном контексте деструктивное переносное значение («умерщвлять, раздирая на части»), обладающее высокой степенью интенсивности признака, а лексема *топать* приобретает оттенок пренебрежения.

Еще одним средством формирования конфликтогенов пафоса является гиперболизация коммуникативного смысла (*до последнего момента, пока дышу*), обусловленная стремлением говорящего к интенсификации коммуникативной интенции. Конфликтоген пафоса также детерминируется превышением необходимого количества средств языкового выражения смысла и объективируется неоправданным повтором местоимения 2 лица (*Ваша бандэровская сволочь; нацисты ваши по вашей украинской земле; вы будете говорить; у вас герои; я вас буду рвать*), использованным с целью возложить на собеседника ответственность за действия экстремистов. Подобное речевое оформление высказывания нарушает постулат количества, в результате чего формируются вторичные конфликтогены этоса.

Источники конфликтогенности различных компонентов речевой модели коммуникативного давления дифференцируются по характеру их образования. Они могут быть детерминированы, прежде всего, самой системой языка. К их числу принадлежат инвективные единицы. В то же время источники конфликтогенности коммуникативного давления могут порождаться различными дискурсивными факторами: нарушением правил организации логоса (информативной избыточностью, нарушением законов формальной логики), нарушением правил организации этоса (нарушением постулатов кооперации и максим вежливости) и нарушением правил организации пафоса (использованием агрессивных тропов и риторических фигур).

Степень проявления коммуникативного давления обусловливается средствами его речевой реализации, наиболее эффективными из которых выступают просторечные, грубо-просторечные и обценные лексические единицы, агрессивные тропы, фигуры нагромождения, а также сарказм и тактика ультиматума, обладающая оттенком «категоричности». Степень давления снижается при объективации средств, смягчающих деструктивную коммуникативную интенцию, а также при реализации конфронтационной тактики в косвенной форме.

Специфический набор конфликтогенов позволяет характеризовать языковую личность с точки зрения уровня ее развитости. Ирония и сарказм, а также агрессивные тропы в отличие от других конфликтогенов составляют интеллектуальные речевые ресурсы давления, так как опираются на смысловое преобразование высказывания и требуют от адресанта речевой изобретательности. Обращение к инвективной лексике и агрессивным грамматическим маркерам, превышение количества коммуникативных ходов присущи менее развитой языковой личности. Хотя следует отметить общую тенденцию к вульгаризации речевой манеры выражения, так что наряду с интеллектуальными агрессивными ресурсами могут реализовываться грубые формы объективации конфликтогенов.

В заключении подводятся итоги работы и намечаются перспективы дальнейшего исследования феномена коммуникативного давления как самостоятельного риторического конфронтационного вида речевого воздействия.

Перспективы дальнейшего изучения феномена коммуникативного давления заключаются в детальной разработке градуальной шкалы его проявления, позволяющей определить уровень опасности давления для психологического здоровья адресата. Также требуется изучить специфику функционирования давления в различных типах дискурса и разработать методы его идентификации в речи для усовершенствования методики проведения юрислингвистической экспертизы.

Основные результаты исследования отражены в следующих публикациях автора:

Научные статьи в журналах, входящих в реестр ВАК РФ

1. Трофимова, В.А. Типы речевого воздействия: аргументация и убеждение [Текст] / В.А. Трофимова // Научная мысль Кавказа. 2020, №4. С. 126–131. –

Ростов н/Д: ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», 2020. DOI: 10.18522/2072-0181-2020-104-4-126-131. (0,6 п.л.).

2. Трофимова, В.А. Этос как источник конфронтационности коммуникативного давления [Текст] / В.А. Трофимова // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2021, №1. С. 112–122. – Ростов н/Д: ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», 2021. DOI: 10.18522/1995-0640-2021-1-112-122. (0,7 п.л.).

3. Трофимова, В.А. Логос как источник конфронтационности коммуникативного давления в различных типах дискурса [Текст] / В.А. Трофимова // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021, №1. С. 268–279. – Владикавказ: Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, 2021. DOI: 10.29025/1994-7720-2021-1-268-279. (0,8 п.л.).

Статьи в сборниках научных трудов и материалов научных конференций

4. Трофимова, В.А. On Some Aspects of Speech Manipulation through Intercultural Perspective [Текст] / В.А. Трофимова // Functional Aspects of Intercultural Communication. Translation and Interpreting Issues: сборник трудов конференции (15 ноября 2019 г.) – Москва: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2019. С. 419–427. DOI: 10.22363/2686-8199-2019-6-419-427. (0,4 п.л.).

5. Трофимова, В.А. О лингвистическом статусе феномена «коммуникативное давление» [Текст] / В.Ю. Меликян, В.А. Трофимова // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия: материалы IX-й Всероссийской научно-практической конференции (Ростов н/Д, 15 ноября 2019 г.) / отв. ред.: В.Ю. Меликян. – Ростов н/Д: ООО «Донское книжное издательство», 2019. С. 27–35. (0,5 п.л./0,25 п.л.).

6. Трофимова, В.А. Пафос как источник деструктивности коммуникативного давления [Текст] / В.А. Трофимова // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия: материалы X-й Всероссийской научно-практической конференции (Ростов н/Д, 15 ноября 2020 г.) / отв. ред.: В.Ю. Меликян. – Ростов н/Д: ООО «Донское книжное издательство», 2020. С. 82–91. (0,6 п.л.).

7. Трофимова, В.А. Риторические и нериторические виды речевого воздействия [Текст] / В.А. Трофимова // Modern science. 2021, №2. С. 281–286. – Москва: Научно-информационный издательский центр «Институт стратегических исследований», 2021. (0,4 п.л.).

8. Трофимова, В.А. Дискурсивные средства реализации нарушения максим одобрения и симпатии в речевой модели коммуникативного давления [Текст] / В.А. Трофимова // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. 2021, №2. С. 102–110. – Нижний Новгород: Научно-издательский центр «Открытое знание», 2021. Режим доступа: <https://scipress.ru/philology/articles/diskursivnye-sredstva-realizatsii-narusheniya-maksim-odobreniya-i-simpatii-v-rechevoj-modeli-kommunikativnogo-davleniya.html>. (0,5 п.л.).